

ОТЗЫВ

официального оппонента Измайлова Руслана Равиловича на диссертацию Салинкиной Марии Сергеевны «Эволюция поэтики И. Бродского: философский и эстетический аспект», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации

Диссертационная работа Салинкиной Марии Сергеевны посвящена актуальным проблемам филологической науки. В центре внимания – поэтический мир И. Бродского. Автор диссертации поставила перед собой сложную цель: рассмотреть трансформацию поэтики и поэтического языка, которая произошла вследствие изменения философских и эстетических взглядов поэта. Для достижения этой цели потребовалось решить 12 задач и вынести на защиту 13 положений! Даже в докторских диссертациях редко можно встретить такое количество. Очевидно, диссертантка исходила из творческого кредо И. Бродского: важна грандиозность замысла. Надо сразу сказать, что ни одна задача и ни одно положение не потеряны. Все задачи решены и все положения, выносимые на защиту, доказаны. Просто, на наш взгляд, можно было бы укрупнить некоторые задачи и положения, объединив некоторые в одну общую задачу и в одно крупное положение, выносимое на защиту.

Впечатляет список литературы, свидетельствующий о широкой эрудиции и глубоком погружении в тему. Практически все научные работы, посвящённые творчеству Иосифа Бродского, прочитаны и проработаны. Каждая страница Введения и первой главы просто пестрит ссылками. На странице 54 только на одно предложение приходится 5 ссылок на разные источники!

Введение к диссертационной работе Салинкиной Марии Сергеевны закладывает серьёзную теоретическую базу. Сразу виден масштаб исследования и научную компетентность исследователя. Однако есть некоторые замечания, которые никак не умаляют глубину теоретического задела диссертационной работы.

Введение начинается сразу не с предположения, а с чёткого тезиса, что «основной парадокс художественной системы И. Бродского заключается в том, что трагический взгляд на мир в ней сочетается со стремлением к бесстрастной поэтической интонации...» (с.4.), и в подтверждение этого

тезиса приводятся слова поэта Алексея Парщикова. А в следующем абзаце утверждается, что «присущее И. Бродскому трагическое мироощущение в совокупности с событиями личной жизни не могло не отразиться на его поэтике» (с.4). Наверное, для тех исследователей, которые занимаются творчеством И. Бродского, это очевидно, но в диссертационном исследовании нужно всё же подвести к этому выводу, перепроверить данные предшественников.

Совершенно верно, с нашей точки зрения, определён круг мировоззренческих источников поэта: экзистенциализм, буддизм, стоицизм и христианство. Хотя влияние буддизма, с нашей точки зрения, можно обнаружить лишь в незначительной степени. Наверное, в большей степени из восточной духовной традиции на Иосифа Бродского влияние оказал индуизм, так как «Махабхарата» и «Бхагавадгита» (что вообще-то тоже «Махабхарата», часть её шестой книги), знакомство, с которыми произошло у поэта в юности, принадлежат индуизму, а не буддизму.

Имперсоналистические установки и буддизма, и индуизма плохо сочетаются с русской и европейской культурной традицией. А некоторая внешняя схожесть с некоторыми философскими традициями античности, может ввести в заблуждение исследователя. Так, автор диссертации не совсем верно истолковал мысль А.Ф. Лосева, высказанную в работе «Строение художественного мироощущения» (а не в «Диалектике художественной формы», как указано в сноске). Философ пишет: «Трагическая личность та, ... которая переживает прорыв тёмного космического бытия... Личность может быть и слабой; но раз она переживает эту грань, она – личность трагическая... Главное же здесь относительно личности – это ее возвышение до космических граней и переживание видимого мира как непрочного покрывала темных ужасов бытия вообще» (Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения / Лосев А.Ф. // Форма – Стиль – Выражение. – М., 1995. С. 316-317). Мария Сергеевна, интерпретируя эту мысль, делает вывод, что «осознание собственной конечности и устремленность к надличностному бытию свидетельствует о величии души» (с.17). Дело в том, что ни о каком стремлении к «надличностному бытию» А. Ф. Лосев не говорит. А говорит он о том, что любая личность, не только сильная, героическая, борющаяся с роком, может быть трагической, но и слабая, если она осознаёт, переживает эти тёмные «ужасы бытия». Никакого имперсонализма, буддизма или индуизма в его высказывании нет. Но надо отдать должное исследователю: упомянув о влиянии буддизма на формирование мировоззрения И. Бродского, автор

диссертации больше к нему не возвращается, понимая, что влияние это было минимальным.

В первой главе «Эстетическая природа лирики и её интерпретация И. Бродским» проведён замечательный анализ эстетической природы лирики вообще и понимания её И. Бродским. Показано, как три главных атрибута лирики (эмоциональность, субъективность, музыкальность) преодолеваются творческой стратегией поэта. Особенности поэтического мышления формируются у И. Бродского под воздействием англоязычной метафизической поэзии от Джона Донна до Уинстена Одена и Роберта Фроста. Из русских поэтов в свои учителя он выбирает поэтов мысли, поэтов сдержанных эмоций: Е. Баратынского, А. Ахматову, О. Мандельштама. Как нам представляется, в этот ряд следует добавить и имя Г. Державина.

Мария Сергеевна убедительно показывает, что, несмотря на сознательный отход И. Бродского от эмоциональности, субъективности, т.е. черт романтического лиризма, он остаётся в пространстве лирики. Её атрибуты – «рационалистичность, устранение личного начала, повышенное внимание к форме» (с. 63). Анализ особенностей лирики позволил М.С. Салинкиной определить взгляд И. Бродского на поэтическое творчество: «Это не спонтанное самовыражение, а рациональный процесс, основная задача которого – сознательное упорядочивание хаоса эмоций и страстей мыслью и словом поэта». (с.60)

Вторая глава диссертационной работы «Поэтика “освобождения от эмоциональности”», с одной стороны, является продолжением исследования эволюции поэтики И. Бродского, с другой стороны, вполне может считаться самостоятельным, целостным, законченным научным произведением. Она и по объёму самая большая в диссертации. Исходя из выводов первой главы, Мария Сергеевна предпринимает попытку (сразу скажем, удачную) проследить изменения идиостиля поэта, применив методики эмотивного анализа. В этой главе мы наблюдаем соединение литературоведения, стиховедения, лингвистики, психолингвистики.

Исследовательская мысль автора развивается по тому же принципу, что и в первой главе. В первом параграфе дана теоретическая основа эмотивного анализа. На основании трудов В. Шаховского, Н. Болотовой, И. Быдиной, Н. Остринской, С. Колядко, Г. Ленько, М. Нашхоевой, представлены такие понятия, как эмотивность, эмотивный код, эмотивный фон, эмотивная тональность, эмотивная окраска текста. Суть метода эмотивного анализа поэтического текста Салинкина определяет таким образом: «Применяя теорию эмотивности к анализу поэтических текстов И. Бродского, мы соотносим содержательные категории эмотивных фона и тональности с

образующими лирический сюжет темами и мотивами, лирическим пейзажем и образом лирического героя, а эмотивную окраску стихотворений анализируем как совокупность не только средств художественной выразительности, но и языковых эмотивов лексического, морфологического, синтаксического уровней» (с.70).

Создав прочный теоретический фундамент, диссертант переходит к многоаспектному и многоуровневому исследованию поэтического языка Иосифа Бродского.

Эмотивный анализ позволил установить М.С. Салинкиной особенности идиостиля И. Бродского, открыть «механизмы», с помощью которых был сформирован его бесстрастный стиль. Показано, как осуществлялось изменение образно-тематического строя, какие языковые и художественные способы применялись поэтом для рационализации эмоций, как снижался трагический пафос, как происходило преодоление субъективности и обретение «надмирной» отстранённости, как от эмоциональной интенсивности лирического героя ранней лирики, выраженной различными экспрессивными языковыми средствами, поэт переходит к стоическому бесстрастию.

Что касается замечаний по этой главе, то оно одно и совсем незначительное. Может быть, не стоило так «дробить» текст: 2.4.1.1, 2.4.1.2, 2.4.1.3. Логика, такого дробления, конечно, понятна. Но, может быть, более продуктивным было бы их объединить в единый пункт, так как все языковые средства выражения эмотивности, о которых идёт речь (лексические, морфологические, синтаксические), не «живут» внутри стихотворений обособлено, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Третья глава «Возвышенный трагизм И. Бродского» - это продолжение разговора о трагическом и эстетике, начатом ещё во Введении и первой главе. На основе классических трудов эстетической мысли (Э. Бёрк, И. Кант, Ф. Шиллер, А. Шопенгауер) Мария Сергеевна Салинкина формулирует основные положения эстетической теории возвышенного. Ближе всего для М.С. Салинкиной является мысль Ф. Шиллера. Логика такого выбора ясна и понятна. Ф. Шиллер не только философ-эстетик, но прежде всего поэт. Свои теоретические положения он воплощал в поэтических произведениях. Его теория проверена его же практикой. Доверие к мысли подкреплено не просто авторитетом имени, но результатами поэтических трудов. Именно шиллеровское понимание возвышенного, как показано в работе, лучше всего характеризует поэтический *modus vivendi*, к которому приходит И. Бродский: «Велик тот, кто побеждает страшное; возвышен тот, кто, будучи побеждён, не знает страха». Страх же преодолевается, по Шиллеру, разумом.

Обобщив теоретический опыт в эстетике, посвящённый категории возвышенного, М. С. Салинкина даёт в диссертации своё определение категории возвышенного: «Эстетическая категория возвышенного характеризует мироощущение и соответствующую ему позицию субъекта относительно источников боли и страдания, основанную на преодолении чувственного переживания трагической неизбежности её рациональным осознанием» (с. 155). Подобное мироощущение сопоставляется в работе с философией стоицизма, и автор приходит к выводу, что между ними очень много общего. Мироощущение, порождённое «трагическим возвышенным», практически совпадает с мироощущением стоиков.

В практических частях главы Мария Сергеевна показывает способы, с помощью которых в поэтическом мире Бродского начинает доминировать категория «возвышенного трагизма», формируя стоическое отношение к миру. Так как возвышенное есть эстетическая категория, то можно сказать, что происходит рождение этики из духа эстетики.

Начало формирования новой поэтики, как показано в исследовании, ознаменовано осознанием тупиковости эмоционального восприятия трагического. С точки зрения Бродского эмоции подавляют и поработают душу, следовательно, положение жертвы Иосиф Бродский воспринимает как унижительное; эмоциональный отклик на трагедию мира не позволяет сохранить чувство достоинства. Необходимы иные поэтические средства, позволяющие если не преодолеть трагедию (это невозможно), но возвыситься над ней. В поэзии И. Бродского начинаются процессы рационализации и дистанцирования, способствующие, по мысли автора, обретению душевного равновесия. Так как эстетическая категория возвышенного обращена к разуму, то она становится главным проводником этого процесса. Именно она позволяет поэту «сделать шаг в сторону от собственного тела», посмотреть на себя и на мир со стороны и даже примерить на себя смерть ещё при жизни.

М.С. Салинкина выделяет в поэтическом мире И. Бродского три типа дистанцирования: пространственное, временное и личностное. Примеры, приведённые в исследовании, подтверждают и доказывают справедливость её выводов.

Идеальным образом (или прообразом) возвышенного становится стихия океана. Трагедия и восторг перед неподвластной стихией, причём восторг не эмоциональный, а эстетический, порождает возвышенное. Человек одинок, и ему не на кого опереться, только на себя, на свой внутренний мир. Парадоксальным образом эта установка (опора только на самого себя) приводит лирического героя к более грандиозной и грозной

стихии, к воздушному океану, «в астрономический ад птиц». «Взгляд “вниз с равнодушьем птицы” выражает в поэзии И. Бродского, как пишет автор исследования, стремление противостоять трагедии не внешними физическими способами, а внутренними усилиями духа» (с.198).

В Заключении диссертации М.С. Салинкина чётко, ясно, кратко, но при этом информативно подводит итог исследованию, не упуская из виду всех положений, выносимых на защиту. А завершается диссертационная работа, можно сказать, с чего и начиналась, цитатой из интервью А. Парщикова об абсолютном спокойствии при абсолютном трагизме.

В диссертационном исследовании мировоззрение Иосифа Бродского заявлено как стоическое. Но так ли всё однозначно? Себя поэт считал принадлежащим и к русской, и к западноевропейской культуре, сформированных христианским мировоззрением. Возникает вопрос-предположение (полемического характера): не был ли стоицизм тоже формой отстранения, дистанцирования, камуфляжа, скрывавшего «сокровенного сердца человека», о котором говорит апостол Пётр в 1 Соборном Послании: «Но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого, духа, что драгоценно пред Богом?» (1Пет 3:4). Этому же способствовала и ирония с самоиронией.

Попробуем продемонстрировать возможность такого подхода, который ни в коем случае не отменяет другие, а лишь дополняет. Так, в третьей главе Мария Сергеевна даёт интересную интерпретацию стихотворения И. Бродского «Я был только тем, чего...» (с. 159-161), сделанную Львом Лосевым, а именно, показана интертекстуальная связь со стихотворением «Пророк», и их принципиальное отличие. Источником поэтического дара у Пушкина является Бог, у Бродского же источником является возлюбленная. Поэт как бы отводит роль Бога, по мысли и Л. Лосева, и автора диссертации, возлюбленной М.Б. Это так, но не совсем. Роль возлюбленной – это роль серафима, она лишь проводник воли. А подлинный творец, чью волю выполняет возлюбленная в стихотворении, – любовь. Творящая сила заключена не «в равнодушной возлюбленной», а в самой любви. Исходя из христианского миропонимания, христианской онтологии, человек есть образ и подобие Божье, а, следовательно, и любовь человеческая восходит к своему Первоисточнику, к Богу, т.к. Бог, по слову другого апостола – Иоанна Богослова, есть Любовь. А в таком случае пушкинский «Пророк» и стихотворение И. Бродского не так уж и далеки друг от друга. Ещё раз повторю, что эти рассуждения носят дискуссионный характер и скорее являются почвой для дальнейших рассуждений и исследований творчества Иосифа Бродского.

Подводя итог, отметим: диссертация Салинкиной Марии Сергеевны «Эволюция поэтики И. Бродского: философский и эстетический аспект», представляет собой самостоятельное, концептуально проработанное, структурно завершенное, достоверное по выводам исследование, имеющее несомненную теоретическую и практическую ценность.

Автореферат и публикации по теме диссертации, в том числе в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки, отражают основное содержание работы.

Диссертация «Эволюция поэтики И. Бродского: философский и эстетический аспекты», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации, представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным пп. 9-11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, М. С. Салинкина, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

03.02.2025

Измайлов Руслан Равилович,
кандидат филологических наук
(специальность 10.01.01. – русская литература), доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

Д.И. Баранова